

УДК 82

**ДВА ФИЛОСОФСКИХ ДИАЛОГА («ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ»
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И «ПИРАМИДА» Л.М. ЛЕОНОВА)**

© 2012 г.

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

ruslitxx@list.ru

Поступила в редакцию 02.12.2012

Рассматриваются параллели в философско-этической проблематике «Легенды о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского и «Пирамиды» Л.М. Леонова. Анализируется диалектика цели и средств во взглядах героев этих произведений.

Ключевые слова: философско-этические проблемы, великий инквизитор, христианство, религия, социализм.

Л.М. Леонов был одним из тех писателей, которые в своём творческом развитии сознательно ориентировались на традицию Ф.М. Достоевского. И если учесть, что «Легенда о великом инквизиторе» содержит в себе квинтэссенцию нравственно-философской концепции писателя, то неудивительно, что Л.М. Леонов не обошёл вниманием это произведение.

Если «Легенда о великом инквизиторе» и в целом «Братья Карамазовы» представляют собой философскую «вершину» творчества Ф.М. Достоевского, то в творчестве Л.М. Леонова «вершиной» такого порядка стал роман «Пирамида». Поэтому не случайны параллели в философско-этической проблематике этих произведений. В обоих случаях писатели создают философски обобщённые картины глубокого символического значения. Хотя и в том, и в другом случае действие происходит вроде бы в точно поименованном месте и в относительно точно названное время, но всё же повествование выходит за конкретно-исторические пределы. Как говорил Л.М. Леонов, исключается «бытовой сор, частное и местное» и таким образом формируется «чистый продукт мысли» [1, с. 529].

На страницах романа «Пирамида» есть прямое упоминание «Легенды о великом инквизиторе». Это «длинный разговор на необязательные темы» [2, кн. 2, с. 209] между профессором-востоковедом Иваном Филуметьевым и Вадимом Лоскутовым. Филуметьев в этом диалоге о судьбах человечества затрагивает тему «разрыва русского Бога с Россией» [2, кн. 2, с. 225]. Профессор полагает, что русский народ отошёл от Бога, изменил ему. И, по мнению Филуметьева, именно об этой опасности хотел предупредить Достоевский своей «притчей» о великом

инквизиторе. Как замечает в ответ Вадим, у Достоевского действие происходит вовсе не в России, а в Риме (на самом же деле, согласно тексту «Легенды», – в Севилье). Но, с точки зрения профессора, перенесение действия в католическую страну было лишь писательским приёмом, направленным на то, чтобы усыпить внимание цензуры. Рассуждения Филуметьева сродни известной сентенции о том, что предназначение России – дать миру страшный пример возможной катастрофы, который стал бы своего рода социальной прививкой для человечества. Профессор полагает, что Достоевский «на примере сверхчувствительной русской породы предупреждал мир о грозящей ему общественной структуре (и тот внял, а мы не услышали!)» [2, кн. 2, с. 226]. Этот герой, как можно понять из его слов, видит смысл «Легенды о великом инквизиторе» в том, что страшное по своей сути «инквизиторское» социальное устройство – неизбежный результат отступления от христианских принципов.

Согласно концепции Достоевского, Христос отказался «поработить совесть» человека с помощью чуда, желая именно *свободной* веры; автор «Братьев Карамазовых» видит в христианстве прежде всего свободу духа, свободу выбора. Но она как раз и становится для обычного, слабого человека непосильной ношей, не позволяющей ему быть счастливым. Решая дилемму «счастье или свобода», великий инквизитор выбирает первое. Отказываясь от принципиальной свободы выбора, он, по мысли Достоевского, неизбежно отказывается и от христианства: идёт путём, подсказанным тремя искушениями, отвергнутыми Христом. А в результате создаётся такое социальное устройство, которое позволяет людям жить в «младенчески-наивном сча-

стве», но при этом превращает их в обезличенных рабов.

Профессор Филуметьев полагает, что Россия, не вняв пророчеству Достоевского, стала «полигоном» для испытания «социального проекта» великого инквизитора. Из этого следует логический вывод, что сталинская система – прямая проекция идеи великого инквизитора. И здесь будет уместно, на наш взгляд, упоминание следующего примечательного факта: Л.М. Леонов вспоминал, как И.В. Сталин однажды сказал, что Достоевского надо запретить, потому что он раскрыл в «Легенде о великом инквизиторе», как надо править человечеством (эти воспоминания Л.М. Леонова приводит А.И. Овчаренко [3, с. 141]).

В «Пирамиде» Вадим Лоскутов спорит с собеседником, считая, что социализм соотносится не с антихристианской концепцией великого инквизитора, а, наоборот, с христианскими принципами. Во всяком случае, ему хочется верить в это. Для Вадима вообще характерно чистое и глубокое стремление к социальной справедливости, к тому, чтобы «утереть слёзы» страдающих, и в революции он видит путь к этой благородной и по своей сути вполне христианской цели, не случайно он говорит, что Бог (несмотря на свои вроде бы атеистические убеждения, Вадим изъясняется в категориях религиозных) не мог покинуть Россию.

Кто из героев прав? Решение вопроса требует максимально объективной оценки и социалистических идей, и личности, являющейся носителем этих идей, – Сталина (Хозяина).

Образ Хозяина в романе «Пирамида» становится воплощением определённой социально-философской концепции и в некоторых аспектах соотносится с образом великого инквизитора, а также с образом одного из героев романа «Бесы» – Шигалёва.

В. Хрулёв в статье «Сталин в романе Л. Леонова «Пирамида» обратил внимание на то, что в этом произведении лишь однажды названа фамилия генсека, в остальных же случаях он именуется «вождём», «диктатором», а чаще всего «Хозяином». *Имя собственное заменено именем нарицательным*, так как важна не столько личность героя, сколько его социальный статус и восприятие его обычными людьми. В. Хрулёв полагает, что у автора «Пирамиды» есть и ещё одна причина не называть имени и фамилии вождя: «Леонов не называет имени вождя и потому, что его интересует механика диктаторского режима, которая независима от национальности и времени. Он исследует идеологию обожествления личности» [4].

Заметим: в «Легенде о великом инквизиторе» главный герой тоже *не наделён именем собственным*. Его Иван Карамазов называет либо великим инквизитора, либо кардиналом, либо (когда речь идёт о его чисто человеческих переживаниях) просто стариком. Для такого способа номинации персонажа у Достоевского, по сути, те же причины, что и у Леонова. С одной стороны, наименование «великий инквизитор» подчёркивает социальный статус героя. С другой стороны, великий инквизитор показан автором не просто как личность, но как олицетворение «механики диктаторского режима», как *символ государственной тоталитарной власти, сущность которой имеет внеличностный и вневременной характер, выходит за пределы психологии отдельного человека и вообще конкретно-исторической реальности*.

В то же время как Достоевский, так и Леонов показывают «механику диктаторского режима» **в форме не абстрактной идеи, а конкретного художественного образа**: носителем тоталитарной философии является человек со своими взглядами и психологией. Не случайно у Леонова слово «Хозяин» написано с большой буквы. Здесь имеет место не только актуализация «сверхчеловеческого» положения героя, но и трансформация имени нарицательного в собственное. В «Легенде о великом инквизиторе» слова «великий инквизитор» написаны с маленькой буквы, но большинство философов и исследователей предпочитают в этом отношении не идти за первоисточником и пишут слово «Великий» [5; 6; 7], а иногда и оба слова [8] с большой буквы. Исследователи видят в словосочетании «великий инквизитор» своего рода имя собственное, поскольку образ индивидуализирован, хотя и обобщён.

«Легенда о великом инквизиторе» и эпизод встречи Хозяина и Дымкова в «Пирамиде» соотносимы *по особенностям художественной структуры*. В произведении Ф.М. Достоевского перед нами «диалогичный монолог»: формально кардинал произносит **монолог**, но по сути перед читателем разворачивается **диалог** двух философских концепций, так как великий инквизитор сам фактически излагает точку зрения Пленника, чтобы оспорить её. Пленник молчит не только потому, что ему нечего добавить к сказанному в Библии уже много веков назад (как замечает великий инквизитор), но и потому, что его идеи озвучиваются его же противником. В романе Леонова форму общения Хозяина и Дымкова, в принципе, тоже можно назвать «диалогичным монологом». Говорит в основном Хозяин, его речь дана развёрнуто и подробно, как и речь великого инквизитора у

Достоевского. Дымков, правда, не полностью погружён в молчание, как Пленник в «Легенде». Изредка он отвечает на прямые обращения, но его слова передаются автором в косвенной речи. У Леонова, хотя позиция Дымкова и обозначена, но всё же Хозяин явно доминирует в диалоге. У Достоевского же великий инквизитор занимает такую доминирующую позицию лишь формально, на самом же деле *позиция Пленника далеко не менее сильна*, что становится особенно явным в финале: поцелуй Христа заставляет инквизитора отступить от уже принятого страшного решения.

Различие в соотношении позиций героев у Достоевского и Леонова, вероятно, связано со следующими нюансами. Если у Достоевского показан Христос (во всяком случае, так Пленник воспринимается кардиналом), то у Леонова изображён наполовину ангел, наполовину человек, и свойства *человеческой* природы начинают преобладать в Дымкове к концу его земной «командировки». Того высокого ореола, который окружает Христа в «Легенде», уже нет вокруг Дымкова в «Пирамиде», более того, он показан в сцене с Хозяином не просто как человек, но как «маленький человек», которому не чужды слабость и страх.

Рассматривая диалоги, стоит отметить: в обоих произведениях говорящий *с полной откровенностью* раскрывает душу перед собеседником. В случае с великим инквизитором причина абсолютной откровенности в том, что для кардинала – согласно комментарию автора «поэмы», Ивана Карамазова, – *неважно, кто перед ним*: Христос, или подобие Его, или образ, порождённый воспалённым воображением инквизитора; важна лишь возможность выразить своё жизненное кредо. В случае с Хозяином у Леонова ситуация в многом сходная: герой не знает точно, ангел ли перед ним (реальность ангелов для него вообще сомнительна) или человек, обладающий сверхспособностями. Но Хозяин и не стремится «вникать в природу» Дымкова: *природа собеседника ему не важна*, важны лишь его способности.

Кроме того, есть *ещё один общий момент* в характере «диалога-монолога» в двух произведениях. В «поэме» Ивана великий инквизитор говорит очень горячо и эмоционально, потому что ему необходимо не столько **выразить** свои сокровенные идеи, сколько **морально оправдать** их, доказав, что иначе нельзя устроить счастье человечества. Каждое его слово наполнено страстной внутренней энергией, и такое красноречие, такой пафос можно объяснить тем, что *его собственная душа ещё не до конца смирилась с принципом «цель оправдывает*

средства», а значит, ему нужно убедить в своей правоте не столько Пленника, сколько самого себя. В «Пирамиде» Хозяин, собираясь с мыслями, некоторое время взволнованно ходит из угла в угол, а затем начинает говорить, причём «с оттенком непримиримости, словно защищался не перед ангелом, всё равно вряд ли способным понять его до конца» [2, кн. 2, с. 593]. Автор в этом комментарии оставляет недоговорённость, но нетрудно догадаться: *герой защищает собственные взгляды перед самим собой, потому что даже такой человек не может безоговорочно принять всё тот же принцип «цель оправдывает средства»*.

Различие же позиций великого инквизитора и Хозяина в «диалогичных монологах» заключается в том, что кардинал воспринимает своего молчаливого собеседника как идеологического противника, которого *нельзя допустить в налаженную жизнь* государства, чтобы её не разрушить, – Хозяин же воспринимает Дымкова как потенциального помощника, собирается использовать его возможности, чтобы как раз *наладить* жизнь страны так, как ему представляется правильным.

Что касается *философских идей* великого инквизитора и Хозяина, то между ними есть *моменты соприкосновения*.

Хозяин с социальной точки зрения являет собой вершину «пирамиды», построенной в послереволюционной России. В основании этой «пирамиды» – большинство населения, обычные люди, удел которых – подчиняться власти и быть «глиной» (так называет их Хозяин), материалом для истории (теперь воспользуемся выражением Раскольникова – литературного предшественника великого инквизитора). А венчает «пирамиду» верховный властитель, «сверхчеловек», вызывающий у обывателей священный ужас и «железной рукой» ведущий страну к царству всеобщего равенства, гарантирующего обычному человеку избавление от вековых страданий. Перед нами персонификация тоталитаризма, диктатуры.

Великий инквизитор создал социальную систему, в которой «миллионы счастливых младенцев» и «сотня тысяч управляющих ими», – это тоже своего рода социальная пирамида. И находящийся на её вершине кардинал также вызывает у толпы преклонение и страх, его воля – непреложный закон, она не подвергается сомнению даже тогда, когда на глазах у трепещущих обывателей кардинал приказывает страже заключить в темницу самого Христа. В творчестве Ф.М. Достоевского государство, описанное Иваном Карамазовым, не первый пример подобного «социального проекта». В романе «Бе-

сы» Шигалёв теоретически обосновывает необходимость такого государственного устройства. В основе его рассуждений лежит идея равенства, которая занимает центральное место и в философии Хозяина у Л.М. Леонова. «Свобода, равенство и братство» – таковы были исходные цели социалистической революции, которая в конечном итоге привела к тоталитарной власти Хозяина. Шигалёв в романе Достоевского тоже, «выходя из безграничной свободы», закончил «безграничным деспотизмом» [9, с. 421]. Этот герой предлагает свой проект «земного рая», в котором девять десятых обращены в обезличенных рабов, полностью подчинённых воле власти (это избавляет их от страданий, пороков, даёт им состояние «первобытной невинности»), а одна десятая – это те, кто управляет толпой, руководит духовным перерождением человечества. При этом Шигалёв – это «отчасти фанатик человеколюбия» [9, с. 424], поскольку свой «социальный проект» он создаёт из желания наиболее благополучно устроить судьбу общества. С его точки зрения, единственно возможный путь к этому – достижение полного равенства людей, причём не по высшей, а по низшей планке. В изложении Верховенского суть «шигалёвщины» такова: «Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями <...> рабы должны быть равны» [9, с. 437]. Идеология Хозяина сходна по своей сути с теоретическими построениями Шигалёва, воплощёнными на практике в социальной системе великого инквизитора.

Герой Л.М. Леонова обосновывает мысль о том, что главная и извечная «боль земная» заключается в природном неравенстве людей, которое «оскорбительно для масс» [2, кн. 2, с. 594]. У Достоевского великий инквизитор полагает, что основные проблемы человечества – это «перед кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник» [10, т. 14, с. 235]. *Идея равенства* здесь просматривается в образе муравейника, но она не акцентирована, она существует в подтексте. У Леонова же Хозяин сосредотачивает своё главное внимание именно на ней: он полагает, что, когда судьбы человечества будут благополучно устроены, когда люди будут сыты, грамотны и обеспечены социальными гарантиями своих прав, – именно тогда на фоне этой внешней гармонии и обнаружится важнейшая *внутренняя проблема общества, которую не решают социальные законы, – неравенство че-*

ловеческих способностей, интеллекта. И это не даст людям возможности ощутить себя счастливыми.

Великий инквизитор, стремясь устроить благополучие миллионов обычных людей, ради этой цели готов использовать **любые средства**. В его арсенал входят обман, манипуляция сознанием общества и прямое уничтожение тех, кто являет собой опасность для его социальной системы. *Нравственно всё, что служит наибольшему счастью наибольшего числа людей*, – так формулировал эту этическую идею И. Бентам [11], и в «Легенде о великом инквизиторе» она художественно воплотилась в ярком и ёмком образе главного героя.

Ту же идею, по сути, отстаивает и Хозяин. Он видит свою задачу в том, чтобы привести массы к царству разума и социальной гармонии. Это можно сделать разными способами: или растянуть этот путь на века (но тогда будут неизбежны и долгие страдания человечества), или максимально ускорить этот процесс, чтобы сократить эпоху страданий (но для этого нужно смириться с необходимостью антиморальных, жестоких решений). Герой считает более рациональным второй вариант: «Если пресловутое шествие к звёздам продолжить по старинке, на верблюдах, то вождю положено думать, в каком облике мы окажемся по прибытии на место, не так ли? Не разумнее ли ринуться туда в обход тысячелетий, напропалую, сквозь дым и живое мясо? Как напрозорчил один у нас сочинитель почти семьдесят лет тому назад: “За перевалом светит солнце, да страшен путь за перевалом”» [2, кн. 2, с. 593]. Любовь к ближнему при таких обстоятельствах становится неуместной. Она, по мнению Хозяина, была бы ошибкой, которая может дорого обойтись человечеству, ведь в случае неудачи революционного эксперимента вряд ли кто-нибудь решится снова попробовать осуществить мечту масс о счастье и социальной справедливости. С точки зрения Хозяина, все моральные издержки «страшного пути» в будущем окупятся благополучием и счастьем человечества, что подчеркнуто в его речи образами звёзд и солнца. Он искренне убеждён, что его идеология – это «единственно рациональный план продлить историю людей» [2, кн. 2, с. 596], и считает своим долгом устранить любое препятствие, затрудняющее дорогу к «звёздам», а главное препятствие, по его мнению, – это **неравенство**. Именно в борьбе с этим социальным злом Хозяин собирается использовать сверхчеловеческие возможности ангела. Дымкову предлагается «перестроить психику» человека, чтобы никто не желал слишком многого и слишком мно-

го не думал: «поубавить излишнюю резвость похотей и мыслей для продления жизни на земле» [2, кн. 2, с. 618]. Ангелу это представляется кощунственным вмешательством в человеческую природу: «Не покидало гадкое ощущение, будто велели взорвать нечто громадней и святей любого храма» [2, кн. 2, с. 624]. Для Хозяина же **цель оправдывает средства**, как и для великого инквизитора. По той же причине Хозяин готов ради «звёзд» счастливого будущего всего человечества пожертвовать не просто отдельными личностями (как великий инквизитор приносит еретиков в жертву своей идее), а целым народом: пустить «русский потенциал целиком на затравку мирового пожара» [2, кн. 2, с. 605]; «речь идёт о пригодности русского племени как главного инструмента в решении поставленных задач» [2, кн. 2, с. 603]. И великий инквизитор, и Хозяин не признают моральных препятствий на своём пути. «Ко всему готовы, ничего не жаль», как писал А. Блок в поэме «Двенадцать».

Есть общность и **в отношении героев Достоевского и Леонова к религии**. Великий инквизитор, в сущности, является атеистом, хотя неверующий инквизитор – фигура парадоксальная. О том, что кардинал не верит в Бога, говорит в романе автор «поэмы» Иван Карамазов. Когда Алёша восклицает: «Инквизитор твой не верует в Бога, вот и весь его секрет!» – Иван отвечает, что действительно в этом главный секрет [10, с. 238]. Но при своих атеистических убеждениях великий инквизитор не отвергает религию как таковую, наоборот, в своей государственной практике он опирается именно на религиозные чувства масс. Умело манипулируя людьми, он собирается и в дальнейшем «манить их наградой небесною и вечною». Отвергнув, по сути, базовые принципы христианства, великий инквизитор тем не менее поддерживает в обычных людях уверенность, что они живут в христианском государстве. Это соответствует выработанным веками идеалам «миллионов, многочисленных, как песок морской» и в то же время даёт мощный рычаг воздействия на их сознание. Таким образом, этот герой, будучи сам атеистом, **использует религию** ради достижения блага человечества, как он его себе представляет.

В романе «Пирамида» Хозяин высказывает аналогичную мысль. С одной стороны, он сам, безусловно, не религиозен и считает христианство своего рода «анестезией», призванной приглушить человеческие страдания, навевая людям «сон золотой». Он прямо говорит, что создаваемый им «новый мир» ведёт свою «родословную» не от Христа (вспомним обращенные к

Пленнику слова великого инквизитора: «Мы не с тобой»). Его слова о христианстве имеют пренебрежительно-снисходительную эмоциональную окраску. Но в то же время этот герой признаёт, что религиозные чувства всегда были мощным стимулом для великих свершений и для объединения людей в одно целое. Поэтому антирелигиозная пропаганда первых лет советской власти теперь уже представляется ему тактической ошибкой: «Но всего разумней было бы <...> пустить в дело обречённые на сгнивание и х заветы, чаянья и традиции старины, то есть всю совокупность духовных накоплений, некогда именовавшуюся **национальным русским Богом** (разрядка авторская. – О.С.)» [2, кн. 2, с. 606]. По мнению Хозяина, наиболее плодотворным было бы убедить людей, что извечные поиски добра и правды, которые ранее велись под знаменем христианства, вполне «вписываются в программу» новой власти. И так, у этого героя, как и у великого инквизитора, есть **идея использования религии** в собственных целях.

Такая общность героев Достоевского и Леонова в отношении к *религии вообще* не исключает различия в их восприятии *конкретной религиозной концепции – христианства*. Речь великого инквизитора, обращенная к Пленнику, в котором герой видит Христа, свидетельствует о том, что для кардинала основа и суть идей Христа – это духовная свобода. Именно этого в христианстве и не принимает великий инквизитор. Он считает, что, дав людям свободу духа, Сын Божий потупил так, как будто перестал им сострадать, поскольку его дар влечёт за собой моральный груз мучительной свободы выбора, ответственности за свои деяния, а это, по мнению инквизитора, породило хаос в жизни обычных, слабых людей и стало источником их страданий. Кардинал говорит Пленнику, что стремится исправить его подвиг, то есть лишить человечество свободы и тем самым устранить источник страданий. И так, **для великого инквизитора христианство – это прежде всего свобода**. В «Пирамиде» Хозяин выражает противоположное понимание сути этой религии. Он говорит о том, что неравенство способностей и возможностей крайне мучительно для основной массы людей, ведь в большинстве своём они не наделены особыми талантами, гениальностью и т. п. И в связи с этим Хозяин считает, что христианство было призвано сгладить страдания большинства, убедив людей в том, что нужно относиться ко всему смиренно, подчиняться Божьей воле и не задумываться над тем, почему одним дано больше, а другим меньше. Таким образом, с точки зрения Хозяина

на, суть христианства **не в свободе, а, наоборот, в ограничении стремлений** человеческого духа, в безоговорочном подчинении неким высшим интенциям. Такое понимание христианства близко к тому, что выражает в романе Е. Замятина «Мы» Благодетель: он называет христиан своими предшественниками в смысле социальной педагогики, потому что они проповедовали смирение. Стоит заметить в этом контексте, что в данном случае смирение трактуется не так, как в православии, где оно означает противоположность гордыне, истолковывается как отсутствие индивидуалистического стремления поставить в центр мира собственное «я».

Возвращаясь к взглядам великого инквизитора и Хозяина на религию, отметим, что в обоих случаях *герой, не верящий в Бога, а значит, и в некие сверхчеловеческие силы вообще, объективно оказывается на стороне одной из этих сил*, только не добра, а зла. Великий инквизитор прямо говорит Пленнику: «Мы не с тобой, а с ним». Если учесть его атеизм, то можно понять эти слова как определение нравственно-философской позиции, а не религиозной: кардинал основывает свою власть на трёх принципах, сформулированных, согласно Библии, в пустыне злым духом в качестве трёх искушений, от которых отказался Христос. При этом герою «Легенды» не обязательно верить в реальность библейских событий, он может просто рассматривать сами принципы и перспективы их воплощения. Великий инквизитор полагает, что именно они заключают в себе суть истории мира и закономерностей развития человечества и только следование этим принципам позволит организовать жизнь социума максимально благополучно. В «Пирамиде» ситуация складывается субъективно несколько иначе, но объективно аналогия явно просматривается. Хозяин представляет себе ангела и вообще высшие силы как «сомнительную реальность» и не углубляется в суть этого вопроса, «чтобы не осложнять стройного материалистического мировоззрения» [2, кн. 2, с. 583], для него, в принципе, не имеет значения природа сверхспособностей Дымкова. И религия для Хозяина не убеждение, а лишь инструмент управления обществом. Тем не менее объективно он фактически участвует в реализации замыслов «резидента преисподней». Суть этого плана следующая: вынудить Дымкова низвести человека до уровня максимальной духовной деградации и создать условия для того, чтобы человечество погубило себя своими же собственными руками. Цель же этой интриги имеет богоборческий характер: доказать Творцу, что Он был не прав во взгляде на человека как на существо духовное (напомним в

этом контексте слова великого инквизитора, обращённые к Христу: «Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем ты о нём думал!» [10, т. 14, с. 233]). Хозяин своими действиями объективно содействует этому плану, хотя субъективно у него другие, сугубо социально-политические цели.

Объединяет героев «Легенды» и «Пирамиды» также **рационализм**. Великий инквизитор, не веря в вечную жизнь и высшую справедливость, опирается в суждениях и действиях на собственный разум, «эвклидовский», по выражению Ивана Карамазова. И обеспечить всеобщее счастье он пытается на этой основе: он уверен, что для миллионов «слабосильных» существ счастьем будет именно то, что ему представляется таковым, поскольку его представление предельно логично и разумно. Принципу этического утилитаризма – «*нравственно всё, что служит наибольшему счастью наибольшего числа людей*» – тоже нельзя отказать в рациональности. И не случайно великий инквизитор называет автора трёх искушений не иначе, как *умным* духом. Разум без веры, интеллект без нравственных запретов и моральных границ, логика без учёта иррациональности души человека – именно это становится опорой идеи великого инквизитора. И именно это предопределяет её крах при столкновении с *алогичной* человеческой природой: в финале «Легенды» великий инквизитор со всей возможной логичностью обосновал необходимость казни Пленника, но не смог это осуществить. Страшному замыслу кардинала не подчинилась его собственная душа: натура воспротивилась идее. В романе «Пирамида» Хозяин тоже предстаёт перед нами рационалистом и постоянно уповает на разумные решения. Когда разговор касается религии, то он высказывает мысль, что *разумно* было бы использовать мощный потенциал религиозных традиций в целях политических. Когда Хозяин *рационально* объясняет решение «ринуться напропалую, сквозь дым и живое мясо» к «звёздам» лучшего будущего, то именно *разум, не соединённый с нравственным законом*, обосновывает эту идею и оправдывает любые средства ради достижения благой цели. Кроме того, идеологические выкладки Хозяина являются частью рационального замысла «резидента преисподней», которого великий инквизитор у Достоевского называл умным духом. Рассуждения Хозяина – это одна из главных нитей хитроумной паутины, сплетённой вокруг Дымкова, это нить, потянув за которую враг рассчитывал окончательно погубить ангела. Однако, как и в произведении Достоевского, в «Пирамиде» выражена мысль о том, что **логика, «логарифмы»**

(как говорил «подпольный человек») **ещё не обеспечивают окончательной победы**. Рационально невозможно ни постичь, ни опровергнуть такие начала, как *добро, любовь и милосердие*. С помощью логики нельзя, например, объяснить стремление Дуни Лоскутовой во что бы то ни стало помочь Дымкову в тот момент, когда само знакомство с ним представляет для неё смертельную опасность; невозможно в рамках рациональных «логарифмов» понять, почему Дымков становится ей ещё дороже, когда почти превращается в обычного человека, лишённого возможности творить чудеса.

Итак, в важнейших философско-этических взглядах великого инквизитора у Достоевского и Хозяина у Леонова есть существенные сходства. Можно отметить также общий момент в использованных обоими писателями **принципах создания образов** героев. Оба автора стремятся показать героев *не только как носителей идеи и всевластных правителей, но и с личной точки зрения*. В «Легенде» кардинал – в комментариях Ивана Карамазова – предстаёт стариком, который устал скрывать от всех свои переживания, внутренние убеждения и страдания; человеком, способным в душе откликнуться на поцелуй Пленника. В «Пирамиде» Хозяин изображён не только безжалостным и рациональным политиком, но и личностью со своей психологией, со своими страхами и стремлениями.

Такой принцип изображения героев позволяет показать, как сугубо рациональная **идея влияет на личность**. В обоих случаях мы видим, что этический утилитаризм – *«цель оправдывает средства»* – приводит к **моральным страданиям самого носителя идеи**. Великий инквизитор прямо говорит Пленнику о своих нравственных мучениях: «В обмане <...> будет заключаться наше страдание, ибо мы должны будем лгать» [10, т. 14, с. 231]. Для него морально тяжело убеждать людей в том, во что сам он не верит, «манить» людей «наградой небесною и вечною», считая на самом деле, что «если б и было что на том свете, то уж, конечно, не для таких, как они» [10, т. 14, с. 236]. Кардинал говорит, что ради счастья человечества он решился взять на себя *проклятие* познания добра и зла. Хозяин в романе Л.М. Леонова не случайно упоминает, что самой ролью вождя он обречён «на ранний износ» [2, кн. 2, с. 608], хотя прежде его не сломили тюрьма и ссылка. «Я обрёл себя на труд и проклятье ближайшего поколения», – говорит Хозяин [2, кн. 2, с. 593], используя то же самое слово с сильным эмоциональным потенциалом, что и герой Достоевского, – «проклятье». Правда, в «Пирамиде»

моральные страдания героя не так серьёзно акцентируются, как в «Легенде о великом инквизиторе». Монолог великого инквизитора по своему пафосу близок к высокой трагедии, тогда как в обрисовке и в речевой характеристике Хозяина, в авторских комментариях к его словам Л.М. Леоновым используется ирония (впрочем, роман «Пирамида» вообще проникнут иронией).

В «длинном разговоре на необязательные темы» с профессором-востоковедом Филуметьевым Вадим Лоскутов не случайно стремится морально оправдать воцарившуюся в Советской России социальную систему. Он сам в определённый момент своей жизни был убеждённым сторонником социалистической идеи даже в радикальном её воплощении – в облике сталинизма. Вадима нельзя заподозрить в какой-либо корысти или в стремлении к власти, он обрисован автором как абсолютно искренний и нравственно чистый человек, почему, собственно, он и остался так дорог своей семье, несмотря на то что отошёл от её устоев; да и авторские комментарии по отношению к этому герою проникнуты симпатией и сочувствием. Исходный момент психологической трансформации Вадима из «поповича» в сталиниста – это максималистская жажда справедливости и жалость к обездоленным. Он полагает, что возможно создание некоего «земного рая», в котором будут царить сытость, гармония и долголетие, то есть – в его понимании – счастье. Л.М. Леонов показывает, как желание помочь людям в сочетании с рациональной логикой приводят Вадима к мысли о том, что можно оправдать любые средства в борьбе за счастье человечества, даже если на таком пути власть использует «отеческое понуждение ко благу», а жалость и совесть становятся пережитками прошлого [2, кн. 2, с. 28]. Его логика приводит к тому, что он начинает сомневаться «в верховном руководстве мирозданием», а затем и восстает против него. В результате Вадим, не осознавая того, вступает в борьбу добра и зла на стороне последнего, а потом сам же становится его жертвой. Суть произошедшей с Вадимом Лоскутовым трагической метаморфозы та же, что и в случае с Хозяином (а ранее это было показано Достоевским в случае с великим инквизиторами): человек исходит из благих целей, принимает ради этих целей использование антиморальных средств и в конечном итоге становится орудием зла.

Возвращаясь к полемике профессора Филуметьева и Вадима Лоскутова о том, является ли сущность «нового мира» антихристианской или христианской, нужно признать, скорее, правоту первого: революция и Хозяин как носитель социалистической идеи объективно работают на

антихристианские силы. Но вывод не так однозначен, как может показаться на первый взгляд, поскольку при оценке таких героев, как Хозяин и его литературный предшественник великий инквизитор, необходимо учитывать не только объективные последствия их действий, но и – ради справедливости – субъективные мотивы решений. В обоих случаях имеет место стремление привести большинство людей к счастью, к благополучной жизни без «боли земной». А это стремление соответствует **христианскому** принципу любви к ближнему – в этом всё же стоит согласиться с Вадимом Лоскутовым. И Ф.М. Достоевский, и Л.М. Леонов в своих вершинных произведениях предпринимают художественное исследование сложнейшей **диалектики христианских целей и антихристианских средств** их достижения. А потому герои этих произведений вряд ли поддаются однозначным оценкам.

Список литературы

1. Леонов Л.М. Достоевский и Толстой // Леонов Л.М. Собр. соч. [Вступ. ст. Е. Суркова]: В 10 т. М., 1969. Т. 10. С. 522–533.
2. Леонов Л.М. Пирамида: В 2 кн. М.: Голос, 1994.
3. Овчаренко А.И. В кругу Леонида Леонова. Из записок 1968–1988 гг. М.: Московский интеллигентско-деловой клуб, 2002. 295 с.
4. Хрулёв В. Сталин в романе Л. Леонова «Пирамида» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.leonid-leonov.ru>
5. Франк С.Л. Легенда о Великом Инквизиторе // О великом инквизиторе. Достоевский и последующие. М., 1991. С. 243–251.
6. Розанов В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария. // Розанов В. М. Мысли о литературе. 1989. С. 41–158.
7. Бердяев Н.А. Великий Инквизитор // О великом инквизиторе. Достоевский и последующие. М., 1991. С. 219–242.
8. Океанский В.П. Онтологическая поэтика «Легенды о Великом Инквизиторе»: опыт герменевтического прочтения. Иваново – Шуя: ГОУ ВПО «ШГПУ», 2010. 128 с.
9. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. М.: ГИХЛ, 1957. 759 с.
10. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1976. Т. 14–15.
11. Бентам И. Отрывок о правительстве // Юм Д. Опыты. Бентам И. Принципы законодательства. О влиянии условий времени и места на законодательство. Руководство по политической экономии. Вып 5. М., 1896. С. 152–195.

TWO PHILOSOPHICAL DIALOGUES («THE LEGEND OF THE GRAND INQUISITOR» BY F.M. DOSTOEVSKY AND «THE PYRAMID» BY L.M. LEONOV)

O.S. Sukhikh

Some parallels are considered in the philosophical and ethical agendas of «The Legend of the Grand Inquisitor» by F.M. Dostoevsky and «The Pyramid» by L.M. Leonov. The author analyzes the dialectics of purpose and means in the characters' views.

Keywords: philosophical-ethical problems, Grand Inquisitor, Christianity, religion, socialism.